МУЖИКЪ и ЦЫГАНЪ.

Въ нѣкоей деревнѣ, въ нѣкоемъ селеньи, жили были мужикъ съ бабой, — хозяева исправные; въ лѣтнюю пору, въ тяжелую страду, они держивали работника, — зимою же справлялись сами: мужикъ приторговывалъ, а баба пряла, ткала, обшивала себя, хозяина и двоихъ ребятишекъ. Хлѣба у нихъ ставало до новаго; водилась и сметанка и маслецо и творожекъ; а молоко, такъ его не то что кошки, а и собаки лакивали! Вотъ, по обычаю, какъ пришла весна красна, хозяинъ пріискалъ себѣ работника, малаго дюжаго, работящаго, и всѣмъ бы парня хорошаго, только маленько дурковатаго. Стали они собираться въ луга, траву косить, а трава чуть не въ поясъ, и густа, что и не продерешься. Наточили наши молодцы косы, и ну косить: что махнутъ, то передъ

ногами трава и ляжетъ рядкомъ. Махали они, махали, всѣ руки отмахали, трава горой лежитъ, а выкошенаго мѣста почти и не знать, — сущая благодать!

— Ну, Ванюха, говоритъ хозяинъ, — завтра базарный день, мнѣ надо въ городъ, должишки собрать, а ты смотри, не лѣнись, знай себѣ коси!

— Вѣстимо, надо косить, на что лѣниться! отвѣтилъ Иванъ.

Идучи домой, хозяинъ повстрѣчалъ оборваннаго цыгана; дай, думаетъ онъ, попытаю, не пойдетъ ли цыганъ на день въ работу? а ужь извѣстно, какой цыганъ работникъ: — подъ однимъ окномъ постучать, подъ другимъ выпросить, подъ третьемъ стянуть, такъ это его дѣло, — а на тяжелую работу цыганъ не гораздъ!

— Здорово, Василій, говоритъ цыгану нашъ мужичокъ, — что шатаешься, кнуты вьешь, да собакъ бьешь; теперь время рабочее, иди ко мнѣ косить, я и деньги хорошія положу и щами съ приваромъ и кашей съ масломъ накормлю, да еще по

стакану вина за обѣдомъ и ужиномъ поднесу!

Хоть цыганъ на работу былъ не охочь, за то на ѣду да на хмѣльное куда гораздъ! Какъ ему быть, и хочется и колется! Вотъ онъ по своему цыганскому обычаю пустился на вывѣдки: тары да бары, и разузналъ, что хозяина весь день на работѣ не будетъ. Какъ провѣдалъ онъ это, такъ по рукамъ и ударилъ. На другой день, чуть забрезжило, чуть свѣтать стало, а ужь цыганъ къ мужику стучится: — Хозяинъ, вставай, пора на работу, по росѣ легче косить!

— Вишь, ретивый какой! думаетъ мужичокъ, — за нимъ не угоняешься! Сѣлъ нашъ крестьянинъ и сталъ обуваться; ужь онъ моталъ, моталъ онучи вокругъ ногъ, надѣлъ лапти, цыганъ опять стучится:

— Что же, хозяинъ, пора на работу, заря занимается! зорю проспать рубля недостать!

— Ладно, ладно, краснобай, тотчасъ отвѣчаетъ мужичокъ, заматывая оборы вокругъ ногъ, по самые колѣна. Цыганъ

сталъ пуще прежняго стучаться; хозяинъ всталъ, отворилъ дверь, а хозяйка собрала мужикамъ поѣсть. Цыганъ этого только и ждалъ: такъ уплетаетъ, что за ушами трещитъ. — Ну, думаетъ хозяинъ, поглядывая на цыгана, — вишь, какъ ѣстъ, за пятерыхъ, коли и на работѣ такой же ретивый будетъ, — такъ я знатнаго косца нашелъ!

Сталъ хозяинъ собираться въ торгъ, да и говоритъ женѣ: — Хозяйка, ты отпусти съ работниками двѣ чарки водки, да ѣды и жареной и печеной, чтобы на весь день стало. Вотъ хозяйка навязала всего вдоволь и отдала работнику Ивану. Собрались молодцы, перекинули косы на плеча и пошли въ луга; а какъ только пришли, такъ цыганъ косу на земь, да и растянулся подлѣ нея, говоритъ, отдохнуть надо, ужь больно плотно поѣлъ! А какъ легъ, такъ и захрапѣлъ. Потолкалъ его Иванъ, потолкалъ, да и сталъ одинъ косить; что махнетъ, то и положитъ груду. Усталъ Иванъ, руки отмахалъ, поглядѣлъ на цыгана, а тотъ спитъ, храпитъ, да носомъ

свиститъ; сталъ онъ цыгана будить, а цыганъ и ухомъ не ведетъ.

— Ахъ ты дармоѣдъ, лежебокъ эдакій! говоритъ Иванъ, — гляди–ко гдѣ солнце; я косивши всѣ рученьки отмахалъ! А цыганъ такъ спитъ, что съ него паръ валитъ. Зло взяло Ивана, плюнулъ онъ на цыгана, да и бухъ подлѣ него. Спятъ, храпятъ оба мужиковы работника, такъ что небу жарко! Взошло солнышко на полдень, прямо имъ въ лицо печетъ; цыганъ, выспавшись спозаранку, и ну будить Ивана. — Вишь ты, батенька, сказалъ онъ работнику, — спать каково гораздый, — чуть обѣда не проспалъ! давай, скорѣе поѣдимъ! стали ѣсть, запили чаркой вина, потянулся Иванъ за косой...

— Что ты, что ты, батюшка, закричалъ цыганъ, — кто же послѣ обѣда работаетъ? надо послѣ обѣда отдохнуть! гляди–ка, вонъ мужички спать укладываются. Поглядѣлъ Иванъ по сторонамъ, — правду сказалъ цыганъ: — всѣ косцы, кто спитъ, кто спать ложится. Легъ и онъ, и проспалъ

до самого полдника, да и то, спасибо цыгану, что растолкалъ!

— Полно, полно тебѣ спать, батенька, гляди, ужь добрые люди давно полдничаютъ, давай и мы поѣдимъ!

Иванъ такъ заспался, что и не распознаетъ утро–ли, вечеръ ли на дворѣ; глянулъ на солнышко, кажись, дѣло къ вечеру идетъ, посмотрѣлъ на работу, день въ началѣ! Опамятовавшись, махнулъ онъ на ѣду, схватилъ косу и ну косить. Иванъ коситъ, а цыганъ ѣстъ за двоихъ; поѣлъ, да опять на бокъ, говоритъ, послѣ ѣды отдохнуть надо! Косилъ, косилъ Иванъ, что называется въ три косы косилъ, ужь всѣ съ сѣнокоса съ пѣснями домой пошли, солнце сѣло и заря погасла, тутъ Иванъ захватилъ обѣ косы, цыганову да свою, вскинулъ ихъ на плечо и пошелъ домой. А хозяинъ ужь дома сидитъ, работниковъ поджидаючи, а завидѣвъ Ивана, крикнулъ хозяйкѣ: — Ужинать собирай! Собрали ужинъ, а цыгана нѣтъ, какъ нѣтъ! — Подождемъ, говоритъ хозяинъ, — чтобы цыгану не обидно было. Чего его собаку ждать, крикнулъ Иванъ, —

онъ и то весь день только храпѣлъ да чавкалъ, всю ѣду пріѣлъ, а косы и въ руки не бралъ! Слово за словомъ, работникъ повинился хозяину, что цыганъ его оплелъ; самъ весь день проспалъ, и самого его заставилъ половину времени проспать.

— Такъ ладно же, крикнулъ хозяинъ, стукнувъ кулакомъ по столу, — я изъ этого цыгана–лежебока дѣло свое вымучу! Давайте ѣсть, а ты, Иванъ, смотри ни гугу!

Вотъ мужики поѣли, встали изъ за стола, а цыганъ въ избу шасть.

— Ай, батеньки, что же вы безъ меня поужинали? а я то спѣшилъ, я то бѣжалъ, чтобы вамъ помочь!

— Благодарствуемъ, Василій Васильевичь, что дѣлать, опоздалъ, думали сытъ!

— А ужь я ли на тебя, хозяинъ, не потрудился, такъ на косѣ и лежалъ; ну, да Богъ съ тобой, давай мои деньги, жаловаться добрымъ людямъ не стану!

— Ой! вишь милостивый какой! Такъ ты вотъ что... денегъ то у меня пока на себѣ

нѣтъ, велѣли завтра за должкомъ пріѣзжать, а ты покоси еще денекъ.

Почесался цыганъ, однако, разомъ смекнулъ, что хозяина–де на работѣ завтра не будетъ, значитъ, опять будни за праздникъ пойдутъ! — Что же батенька, я не какъ другой, я съ моимъ удовольствіемъ, сказалъ цыганъ, и пошелъ въ свой таборъ.

Цыганъ ушелъ, а крестьянинъ велѣлъ женѣ приготовить ему съ Иваномъ до свѣту хорошей ѣды, на обѣдъ же состряпать пустыхъ щей, да ихъ же и на ужинъ подать, а къ самому концу ужина приберечь что по слаще.

Вотъ мужички наши еще гдѣ до цыганова прихода поѣли въ плотную, да и пошли въ луга; тамъ уже ихъ догналъ и цыганъ.

— Вишь, хозяинъ, какъ я на работу ретивъ, сказалъ онъ похваляясь. — Ужь что и говорить! видно не про тебя пословица сложена, что лѣнь у цыгана за пазухой гнѣздо свила!

— Человѣкъ на человѣка не прійдется, сказалъ цыганъ, а тамъ и сталъ цыганскимъ

побытомъ лясы подпускать да вывѣдывать, скоро ли хозяинъ въ торгъ поѣдетъ.

— Дай срокъ, поѣду, отвѣтилъ мужичокъ.

Вотъ, взялъ крестьянинъ косу, сталъ точить, и Иванъ тоже, — не отставать же и цыгану. Хозяинъ пошелъ закосчикомъ впередъ, идетъ, да въ бокъ на работниковъ посматриваетъ, — не отставать же имъ стать! Косятъ, косятъ, трава такъ и стелется, рядками у ногъ ложится, а все сдается, что на одномъ мѣстѣ машутъ.

— Фу, ты пропасть! говоритъ цыганъ, — съ этой травой не справишься, — ее срѣжешь, а она опять изъ земли лѣзетъ, подъ косу ложится! Покосилъ еще маленько, и сталъ у хозяина завтрака спрашивать.

— Ну, не взыщи, Василій Васильевичь, за нашу хлѣбъ–соль; сегодня мы съ Иваномъ въ сухомятку хлѣбца перехватили да водицей запили, и ты поѣшь по нашему, краюха въ узлѣ, а вода въ рѣкѣ!

Бросилъ цыганъ косу, принялся за краюху. — Вотъ думаетъ: — Хотѣлъ

пировать, а пришлось горевать! Ну, да ладно, за обѣдомъ стану за двоихъ хлебать! И не успѣлъ онъ краюхи уплести, какъ хозяинъ на работу кличетъ. Вотъ опять принялись въ троемъ косить; — ужь они и косятъ и косы точатъ, — руки отмахали, — трава горой лежитъ, — а выкошенаго мѣста почитай что не знать, — сущая благодать!

Сталъ мужикъ на дорогу поглядывать, да на жену ворчать, — что долго обѣда не несетъ. А цыганъ чуть не плачетъ, — кабы зналъ, думаетъ, лучше бы и на работу не ходилъ.

— Вишь, недѣловка какая, — о сю пору со стряпней не справилась; постой, дай срокъ, вотъ я тебя поучу долго спать! говорилъ хозяинъ, а самъ что ругнетъ жену, то косой махнетъ, и груду травы положитъ; а за нимъ идучи косятъ усталые работники. Сталъ и цыганъ на дорогу поглядывать, и какъ завидѣлъ бабу, такъ и кричитъ: — Хозяинъ, не твоя ли это жена недѣловка идетъ? И то моя! отозвался хозяинъ, и пошелъ на встрѣчу женѣ, а она, по сказанному, что по писанному, принесла

краюху хлѣба, да помоевъ въ надбитомъ горшкѣ. Крестьянинъ накинулся на нее, и ну бранить; выхватилъ горшокъ, да брякъ его объ земь, только паръ пошелъ! Хозяйка въ слезы, цыганъ тоже, — жалко ему щей съ приваромъ, а дѣлать нечего: — приходится хлѣба съ квасомъ поѣсть, благо хозяинъ съ сердцовъ жбана не разбилъ?

Поѣвши, легли отдохнуть; черезъ часокъ времени, проснулся хозяинъ и будитъ работниковъ. Усталый цыганъ такъ во времени сбился, что ничего не помнитъ; взялъ косу и ну косить, только съ непривычки у него плеча болятъ. — Эхъ, дурень я дурень, что пошелъ работать! думаетъ цыганъ, — кабы не ходилъ, такъ весь бы день проспалъ, либо что ни на есть стащилъ въ деревнѣ; теперь весь народъ въ лугахъ на работѣ, знатно бы поживился! мужичье дѣло работать, а наше замки сбивать.

Косили вплоть до полдника; по полудновавши, опять стали косить; коситъ цыганъ, а самъ плачетъ, зарекается, ни въ жизнь на работу не ходить! Вотъ и

стемнѣло, всѣ пошли изъ луговъ въ деревню. Усталый цыганъ не отстаетъ отъ хозяина, боится, какъ бы безъ него не поужинали. Пришли, сѣли за столъ, хозяинъ сталъ за обѣдъ жену бранить, а цыганъ его за рукавъ дергаетъ, говоритъ: — Ты, батенька, погоди, не серчай, дай намъ хорошенько поужинать, а тамъ, что хочешь съ ней дѣлай! Вотъ принесла хозяйка полную чашку постныхъ щей; цыганъ съ голодухи такъ обрадовался горячему, что одинъ всю чашку уплелъ; хозяйка налила другую, отъ щей сизый паръ валитъ, тухлой капустой пахнетъ, и мясца не слыхать! Цыганъ и эту чашку опорожнилъ, да опорожнивши, по сторонамъ поглядѣлъ.

— Ты что, хозяинъ, не ѣшь? спросилъ онъ у мужика.

— Да ужь меня больно жена разсердила! — А ты Иванъ?

— Да я ужь больно усталъ съ косьбы.

— А я, такъ знатно наѣлся, даже бока заболѣли, да на душѣ мутитъ, сказалъ цыганъ, вылѣзая изъ за стола.

Тутъ баба подала молочную яичницу да жареную курицу; какъ увидѣлъ цыганъ такія сласти, такъ захотѣлъ было опять сѣсть за ѣду, да душа ужь не принимаетъ! Сталъ онъ бабу бранить: — Ахъ, ты недѣловка, полоумная эдакая! подала бы ты курицу да яичницу напередъ, такъ я бы ихъ поѣлъ, а то шутка–ли что щей выхлебалъ!

Хозяинъ съ Иваномъ тѣмъ временемъ принялись за ужинъ, и въ сласть поѣли, а поужинавши, мужичокъ заплатилъ цыгану за одинъ день работы, а вчерашній — ты–де весь на себя проспалъ, да на меня проѣлъ, вотъ мы съ тобой и въ разсчетѣ!

Тутъ только цыганъ догадался, что хозяинъ перехитрилъ его. — Видно, подумалъ онъ, ихъ пословица правду говоритъ: кабы у цыгана тотъ умъ на переди, что у русскаго позади, такъ всѣхъ бы провелъ! Съ той поры цыганъ зарекся ходить на работу.

В. ДАЛЬ